

Моему прадеду , ФЁДОРУ ИВАНОВИЧУ ГОНЧАРОВУ, посвящается...

Ночную мглу на части рвали пули.
В ушах смешалось всё: и стоны и мольбы.
Кроваво-красная река кипела и бурлила:
От тонущих, плывущих и огня...
Мы плыли рядом друг от друга,
Горя желанием доплыть.
Вдруг, вспышка света озарила небо.
И ты исчез...навечно...навсегда.

Я был наводчиком зенитного орудия в 33 отдельном дивизионе противовоздушной обороны 2-й Гвардейской Краснознаменной кавалерийской дивизии. Призван на службу был еще в январе 1942 года, так что за это время успел побывать во многих сражениях.

Со мной в полку служил Пашка – балагур и весельчак. У Пашки была одна мать (отца и братьев убили еще в 1941). Когда разговор заходил о его матери, Пашка всегда ронял скупую мужскую слезу: мать ждала его еженощно, истово молилась о нем, чтобы хоть он вернулся живым. В минуты особой скорби и печали, когда наши однополчане гибли у нас с ним на глазах, Пашка никогда не унывал, поднимал боевой дух сотоварищей, внушая нам всем веру в скорую победу над фашистами. За время службы Пашка стал мне боевым братом.

В ноябре 1943 года мы подошли к Днепру. Главкомандующим был отдан приказ о форсировании Днепра. Врагу нельзя было давать передышку, иначе он успеет укрепить оборонительный рубеж.

Мы знали о предыдущих попытках форсировать Днепр, о количестве погибших и утонувших. От крови погибших в этой могучей реке солдат, воды ее стали кроваво-красные. Температура воздуха была не более 8-10 градусов, а температура воды была 5-6 градусов. Фашисты били по нам из пулеметов и минометов. Немецкая авиация уничтожала все, что обнаруживала на воде и на берегу. Днем операцию по форсированию реки провести было просто невозможно: мы бы были перед врагом, как на ладони. Но и ночами небо светилось сигнальными ракетами. Увидев движение, противник тут же открывал шквальный огонь из пулеметов. Командованием было принято решение о начале операции ночью.

Каждый из нас понимал, что вероятность переплыть эту могучую реку, достигавшую в некоторых местах 3 километров, с сильнейшим течением, под градом вражеских пуль, оставшись при этом живым и невредимым, сводилась к нулю. В ледяной воде, в полной амуниции, с оружием – задача поистине невыполнима. Но при всем при этом, каждый из нас был полон

решимости преодолеть это препятствие, чтобы помочь нашим боевым товарищам на другой стороне Днепра оттеснить врага, как можно дальше. Сколько же отваги и мужества было в моих товарищах. Мы мысленно прощались со своими близкими: с матерью, с отцом, с женой, детьми, братьями, сестрами... Каждый из нас понимал, что этот бой может быть нашим последним... И никто, НИКТО из нас не боялся умереть. Страх был только один, что враг сумеет одержать над нами победу. Этого никто из нас допустить не мог, мы должны одержать победу, даже ценой своей жизни.

Пашка отозвал меня в сторону.

- Федька, брат, хочу попросить тебя... Ты знаешь, кроме матери у меня никого не осталось. Она молиться обо мне еженощно, лишь бы я вернулся живой. Обещай, если я погибну, скажи ты ей об этом. Если ей сообщат, что я пропал без вести, не хочу, чтобы она напрасно меня ждала и верила. Лучше так... Чтобы знала, что я там, с батей и братьями... буду ждать, когда её время придет с нами свидеться...

Я не верил своим ушам: Пашка, мой друг Пашка, который перед любым боем мечтал, строил планы, как вернется в родное село к матери, как будет ей помогать, как ВСЕ мы будем жить после победы, вдруг заговорил о смерти. Ах, ты, проклятая война, что ты делаешь с нами?.. И я дал ему слово. ДАЛ ЕМУ СЛОВО. А в груди у меня почему-то жгло, как от огня. И было у меня ощущение, что все сейчас не взаправду, что все это мне только кажется. Но все было взаправду.

Как только стемнело, мы двинулись вперед из оборонительных укреплений. Передвигаясь в кромешной тьме, мы стали заходить в воду, так тихо, что не было слышно ни единого всплеска. Намокшая шинель тут же потянула к низу, от холода начало сводить руки и ноги. Пашка плыл чуть впереди меня, на расстоянии вытянутой руки. Он то и дело оглядывался на меня, готовый в любой момент прийти мне на помощь. Нам удалось преодолеть больше половины, как ночное небо озарила сигнальная ракета. И тут же начался минометный огонь. Все перемешалось: стрельба, сирена, крики, стоны...

Вдруг, что-то горячее обожгло мне лицо... Я увидел окровавленное лицо Пашки и тут же его поглотила река... Я нырнул вслед за ним, пытаюсь ухватить его за руку, вытащить... Я нырял и нырял в надежде его спасти. Но Пашки, моего Пашки, уже не было...

Вместе с остальными чудом уцелевшими товарищами мы преодолели эту водную преграду. Да, в битве за Днепр мы одержали победу, но ценой стольких жизней. За ту битву я получил орден «Отечественной Войны I степени». Та битва стала одной из самых кровопролитных в Великой Отечественной войне. Впереди у меня было еще много боев, было много наград... Но самыми страшными воспоминаниями, которые навсегда врезались в мою память, были воспоминания о тысячах погибших наших солдат при форсировании Днепра.

Мы победили фашистов! Я остался жив, вернулся домой. А сколько моих братьев по оружию полегло на фронте?..

Я попытался исполнить, что обещал Пашке. Но весточку о его гибели принести было некому: как будто почувствовав, что сердце его единственного сына больше не бьется, мать Пашки умерла в тот же день, стоя на коленях перед иконами Святых, которым она молилась, чтобы ее сын вернулся с войны живым...

Судьба – злодейка так распорядилась,
Что я родился, когда ты уже ушел...
Не суждено с тобой нам повидаться,
Не суждено пожать мне руку сильную твою.
Не суждено на лавке, что у дома,
Услышать от тебя об ужасах войны...
Сказать спасибо за Победу,
Спасибо, дед, что я живу...

P. S. Эта история была рассказана моим прадедом, Федором Ивановичем Гончаровым, поэтому передана от первого лица.